

ЕВГЕНИЙ ЛОГИНОВ*

«БОНХЕДФЕРОВСКИЙ ФИЗИКАЛИЗМ» ДМИТРИЯ ВОЛКОВА**

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ

«СВОБОДА ВОЛИ: ИЛЛЮЗИЯ ИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ?»

Волков Д. В. Свобода воли : иллюзия или возможность? — М. : КАРЬЕРА ПРЕСС, 2018.

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-329-340.

Трактат — традиционная форма философского творчества, за которую не часто берутся современные российские мыслители. Не пользуются большой популярностью и традиционные метафизические темы. Тем интереснее оценить недавно вышедшую в печать книгу доктора философских наук Дмитрия Волкова, посвященную трем фундаментальным философским проблемам: ментальной каузальности, свободе воли и тождеству личности.

Какие требования мы сегодня предъявляем к философским трактатам? На мой взгляд, таких требований три. Во-первых, трактат должен содержать изложение новых для читателя фактов, мыслей, подходов, представлять неизвестные ему имена и термины. Во-вторых, трактат должен демонстрировать способность автора приводить аргументы в пользу своей позиции. В-третьих, изложенные в трактате рассуждения должны складываться в какую-то единую и согласованную теорию о познании мира, поведении в нем и природе самого мира (порядок этих критериев не отражает степени их важности). Выполнение хотя бы одного требования обычно делает книгу полезной, выполнение любых двух — интересной, а всех трех — превосходной. В какой мере книга Волкова соответствует этим требованиям?

Думаю, что любой человек, который потратил менее десяти лет на изучение современной аналитической метафизики, будет удивлен

*Логинов Евгений Владимирович, к. филос. н., младший научный сотрудник, философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, loginovlosmar@gmail.com.

**© Логинов, Е. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

авторской эрудицией и узнает что-то новое об актуальных дискуссиях в этой области, т. е. книга полностью соответствует первому требованию.

Соответствует она и второму, так как собственную позицию автор представляет через серию интересных мысленных экспериментов. Некоторые из этих экспериментов развивают идеи Дэниела Деннета, другие же самостоятельны.

Складываются ли эти аргументы в единую картину мира? Есть основания считать, что «да», так как все они имеют общего врага: то, что Волков называет пуританским физикализмом. Пуританский физикализм — это теория о том, что в мире есть лишь элементарные частицы и их казуальные взаимодействия. В таком мире сознание не обладает каузальной эффективностью, нет свободы воли, нет личности. К такому взгляду на мир нас подталкивают рассуждения Джегвона Кима (см., например, Kim, 2008: 13–22).

Что Волков противопоставляет такой картине мира? Он считает, что мы можем принять физикализм, не отказываясь от наших обыденных представлений о сознании, свободе воли и тождестве личности. Чтобы быть полноценным физикалистом, считает Волков, нужно отказаться от пуританства и принять более богатую онтологию. Сам он, следуя Деннету, называет свою позицию «умеренным реализмом» или «реализмом тропических лесов» (Волков, 2018: 335–336). Мне кажется, что у термина «реализм» слишком много значений, так что, продолжая собственное волковское религиозно окрашенное терминотворчество, можно назвать его подход «бонхедферовским физикализмом». Этот термин, на мой взгляд, выражает суть защищаемого в книге подхода. Как в теологии Дитрих Бонхедфер защищал христианство без религии, так в философии Дмитрий Волков защищает физикализм без элиминации.

Итак, для защиты бонхедферовского физикализма от угрозы пуританского физикализма нужно отстоять тезисы о существовании ментальной каузальности, свободы воли и тождества личности.

Чтобы доказать существование ментальной каузальности, Волков опирается на дизъюнктивный силлогизм: отвести угрозу физикализма может либо локальный интеракционизм, либо биологический натурализм, либо телеофункционализм; локальный интеракционизм неверен, биологический натурализм неверен, следовательно, телеофункционализм — единственная возможная позиция. Отметим, что Волков не доказывает, что представленные им три теории исчерпывают поле возможных позиций. Так, например, он не рассматривает конститутивный панпсихизм Д. Чалмерса.

Кроме этого дизъюнктивного силлогизма телеофункционализм под-держивается двумя аргументами: историей о двух черных ящиках и до-водом «библиотека первых изданий». Их содержание я рассмотрю ниже, здесь же отмечу, что заключением обоих этих доводов является тезис о каузальной эффективности высокоуровневых свойств. Сам по себе он совместим и с локальным интеракционизмом, и с биологическим натурализмом. Совместим он и с панпсихизмом Чалмерса, и даже с теорией тождества¹. Иными словам, даже если приведенные аргументы в пользу тезиса о каузальной эффективности высокоуровневых свойств верны, то это еще не принуждает нас согласиться именно с телеофунк-ционализмом.

Волков проделал большую работу по критике альтернатив телеофунк-ционализма. Особенно убедительной мне кажется критика идей Серла: последние, как показывается в рецензируемой монографии, основаны на смещении понятий «эмерджентность» и «причинность». Причинность предполагает темпоральный разрыв между причиной и действием, разрыв, которого не может быть между эмерджентным свойством и тем, на чем оно реализовано.

Интересное возражение выдвигает Волков и против локального ин-теракционизма Вадима Васильева. Последний основан на аргументе кау-зальных траекторий (АКТ), который исходит из трех посылок: (1) «я ре-ально мог прийти к своему нынешнему физическому состоянию разными путями»; (2) «мои воспоминания [...] отражают мое прошлое, в том чис-ле тот физический путь, который предшествовал моему нынешнему физическому состоянию»; (3) «мое поведение скоррелировано с моими убеждениями и желаниями и [...] мои убеждения и желания отчасти черпают свое содержание из моих воспоминаний». Рассуждение, исхо-дящее из этих трех посылок, по Васильеву, «показывает каузальную значимость моих ментальных состояний» (Васильев, 2014: 111–114).

Волков утверждает, что из АКТ следует ложность не только тезиса локальной супервентности, но и тезиса глобальной супервентности, что можно считать сведением аргумента к абсурду. Чтобы доказать это, Волков использует две разные стратегии: косвенную и прямую. Во-первых, он критикует тот элемент теории Васильева, который является защитным механизмом против распространения результатов аргумента

¹Если высокоуровневые ментальные свойства тождественны низкоуровневым фи-зическим свойствам, а физические свойства обладают каузальной эффективностью, то высокоуровневые ментальные свойства обладают каузальной эффективностью.

на глобальную супервентность. Во-вторых, строит аргумент-двойник, заключение которого является явно ложным.

Защитным механизмом теории Васильева является тезис о том, что у «совокупности опытной реальности, доступной в какой-то отрезок времени» (Васильев, 2014: 35), т. е. у События А может быть только одна причина, — Событие В, которое является совокупным событием в момент, предшествующий Событию А, которое является совокупным событием в свое время. Васильев считает, что если конкретное событие может иметь несколько разных причин, то совокупность всех событий может иметь только одну причину. В доказательство этого Васильев приводит сравнение двух случаев: отскок мяча от поверхности и отскок мяча от поверхности на один метр. С точки зрения Васильева, очевидно, что расширение описания события ведет к уменьшению количества причин, которые могли бы к нему привезти. Против этого Волков возражает (Волков, 2018: 63–66). Возьмем, говорит он, конкретное событие и создадим для него исчерпывающее конкретное и потому бесконечное описание. У этого события возможны несколько причин, и если мы теперь прибавим к этому событию другое, столь же полно описанное событие, и повторим эту операцию до тех пор, пока не получим Событие, то очевидно, что такое суммирование никак не может уменьшить количество причин, а может их только увеличить. Например, если при определенном положении дел на бильярдном столе шар может оказаться в лузе лишь одним из двух возможных способов, то увеличение количества столов с аналогичной игровой ситуацией приведет лишь к увеличению количества комбинаций, при которых все шары окажутся в лузах. Следовательно, защитный механизм теории Васильева не работает.

Против этого следует сказать, что тут есть две трудности. Во-первых, контраргумент Волкова нарушает правила игры, установленные определениями васильевских терминов. Если мы возьмем конкретное событие и создадим его полное описание, то это описание включит в себя связи этого события со всеми другими событиями, которые сосуществуют с ним в конкретный момент времени, т. е. мы дадим описание События. У этого События, по Васильеву, может быть только одна причина. Васильев понимает возможности как «реально возможные действия» (Васильев, 2017: 43–44). Насколько я понимаю, это интенциональная трактовка модальности: прямо сейчас я убежден, что могу встать, могу лечь, хотя актуально я сижу, но я не убежден, что могу полететь. Я не верю в это, потому что такие события противоречат структуре моего

прошлого опыта, поэтому они не могут быть рассмотрены мною как то, что будет дано мне в ощущении (Васильев, 2014: 29). Чем более точно описано событие, тем меньше остается похожих на него событий в моем прошлом. Поэтому повышение точности описания моего нынешнего положения приведет к уменьшению количества вариантов, в возможности реализации которых я убежден. Иными словами, полное описание любого события — это Событие. Поэтому Волков не может утверждать, что полное описание конкретного события может иметь больше одной причины, для того, чтобы показать, что Событие может иметь больше одной причины. Это предвосхищение основания, которое стало следствием неверного понимания терминов оппонента.

Вторая ошибка, которая, на мой взгляд, содержится в рассуждении про столы и шары, состоит в неправомерном изменении структуры васильевского примера. «Отскок мяча» относится к «отскоку мяча на один метр» как описание и уточнение того же описания. «Этот бильярдный стол с определенной игровой ситуацией» и «тысяча бильярдных столов с такой же игровой ситуацией» относятся друг к другу совсем иначе: у них будут разные референты.

Эти два обстоятельства делают возражение Волкова интересным (видимо, существует два несовместимых понимания События), но нерелевантным критикуемой им теории.

Теперь посмотрим на прямой путь критики АКТ. Волков заменяет в нем несколько нелогических терминов и получает явно абсурдное рассуждение (Волков, 2018: 67). Если реально возможно, чтобы жесткий диск пришел в текущее состояние различными путями, а файловая система хранит информацию о последовательности изменений файлов на диске, то реально возможно, что жесткий диск был бы в текущем физическом состоянии, но файловая система хранила бы информацию, отличную от актуальной. Таким образом, АКТ ведет к признанию несуществования глобальной суперверности, что делает систему Васильева некогерентной.

Предвосхищая это возражение, Васильев утверждает феноменологический характер памяти человека в противоположность механической памяти компьютера. Против этого Волков утверждает, что, даже согласно такому квалиафилу как Чалмерс, память есть психологическое, а не феноменологическое понятие (там же: 70). В самом деле, каково это, например, «помнить три языка» или «помнить биографию Франклина»? Кажется, что тут нет нужной для феноменологических понятий качественности, нет «каково это быть тем-то», а есть лишь психологические

особенности того или иного ума, особенности, которые можно представить чисто функционально. Защищаясь, Васильев вводит уточнение, не учтенное Волковым в его критическом анализе: вторая посылка АКТ говорит лишь об актуальных воспоминаниях человека (Васильев, 2017: 160–161). Это делает примеры Волкова нерелевантными. Речь, скорее, идет о том случае, когда человек актуально обдумывает историю своей жизни, то, что, в общем и целом, правильно отражает его каузальную историю и явно имеет феноменологический окрас, т. е. существует свойство «быть тем, кто обдумывает свою историю». Если мы в принципе не исключаем существование феноменального, то я не понимаю, что мешало бы нам видеть феноменальное измерение актуальной памяти. А этого достаточно, чтобы защитить АКТ от такого возражения.

Таким образом, я не считаю, что Волков опроверг АКТ, хотя тот и не кажется мне во всех отношениях ясным, как и следующая из него онтология.

Теперь обратимся к доводам в пользу собственной позиции Волкова: истории двух черных ящиков и аргументу «библиотека первых изданий». История о ящиках — это невероятно запутанная помпа для интуиции, сочиненная Деннетом. Ее суть можно передать так. Два ящика в ответ на стимулы предъявляют исследователям реакции, которые нельзя объяснить из устройства самих ящиков. Объяснение же состоит в том, что ящики интерпретируют стимулы семантическим образом, а реакции зависят от истинности и ложности суждений, которые содержатся в скрытом в первом ящике компьютере, и в ответ на стимулы посылаются во второй ящик, который, оценивая их истинностное значение, выдает одну из трех реакций: истинно, ложно или бессмысленно. Из этого, по Волкову, следует каузальная эффективность семантических, т. е. высокоуровневых свойств. Если вы с этим не согласны, то следует указать на низкоуровневое свойство, которое тут выполняет всю каузальную работу. Волков предлагает убедительную защиту деннетовского рассуждения от многих возражений, которые приходят в голову, когда его слышишь.

Второй аргумент Волкова — это «библиотека первых изданий» (Волков, 2018: 119–123). Он является контрпримером к аргументу исключения Кима. Его суть в том, что свойство «быть первым изданием» является каузально эффективным свойством, хотя оно не является фундаментальным. На мой взгляд, этот аргумент плохо сочетается с пердурантизмом, тезисом о существовании актуально неявленных временных частей объектов, который Волков отстаивает далее в книге.

Представим себе, что злодей Брейниак создал полного физического клона Луис Лейн, и Супермену нужно выбрать кого спасти Луис-1 или Луис-2. Для Человека из стали это не проблема. Он обладает пердурантным суперзрением, которое позволяет ему видеть пердурантных «червей»², т. е. объекты целиком, как совокупности всех их временных частей. Тогда он просто видит, что «червь»-1, т. е. Луис-1, куда длиннее, чем «червь»-2, т. е. Луис-2, клон. Поэтому он легко выбирает первую. Иными словами, пердурантизм запрещает строить суждения типа «эти два объекта абсолютно идентичны, это полные физические дубликаты», если у объектов разные каузальные истории. Объединение аргумента «библиотека первых изданий» и признания истинности пердурантизма делает систему Волкова некогерентной.

Теперь мы вынесем пердурантизм за скобки. Аргумент все равно может не работать. «Быть первым изданием» — это не особое «реляционное отношение» (Волков, 2018: 121). У этого выражения может быть экстенциональная интерпретация. Например, x — оригинал, если и только если $\forall y \forall z \exists x \exists t_1 \exists t_2 \exists t_3 ((P(x, t_1) \& P(y, t_2) \& (t_1 < t_2)) \& \neg \exists z (P(z, t_3) \& P(t_3 < t_1)))$, где P — «начать существовать в такой-то момент» или «быть созданным в такой-то момент». Для истории с первыми изданиями переменные будут пробегать по множеству, состоящему из подмножеств токенов, каждое из которых будет представлять собой тираж. Например, типом является «Феноменология духа», оригиналом — образующее первый тираж подмножество токенов, которые были напечатаны в 1807 году. Все токены, которые в это подмножество не попали, напечатаны позже 1807 года.

Все, что нам нужно для такого перевода, это понятия «время» и «существование». Первое, если физикализм верен, отсылает к феномену, который имеет чисто физическую, низкоуровневую природу. Существование мы можем понимать через квантификацию. Если мы можем истолковать обе эти истории без признания каузальной эффективности высокоуровневых свойств, то довод не работает. Мы можем это сделать, редуцировав свойство «быть первым изданием» к «базовым свойствам физического субстрата», что Волков и требует от своего оппонента (там же: 122). Таким образом, я не согласен, что аргумент библиотеки первых изданий доказывает каузальную эффективность высокоуровневых свойств.

²В конце концов, в Золотой век комиксов этот герой мог и не такое.

Следующей я рассмотрю не вторую, а третью главу книги, так как во второй главе Волков применяет результаты, полученные в третьей. Она посвящена проблеме тождества личности и частично совпадает с материалом предыдущей книги Волкова «Бостонский зомби». Глава содержит некоторые исторические неточности в трактовках позиций Локка, Эрика Олсона и Марьи Шехтман, но для общего хода рассуждения Волкова это почти несущественно.

Здесь главный довод опять имеет форму дизъюнктивного силлогизма. Проблема тождества личности решается либо психологическим подходом, либо биологическим подходом, либо субстанциальным подходом, либо нарративным подходом. Доказав, что первые три подхода не годятся, Волков заключает к истинности нарративного подхода, которую потом он подкрепляет независимыми аргументами эмпирического характера. Но это не может считаться удовлетворительным.

Дело в том, что некоторые классические походы можно комбинировать, и тогда они избегают критики Волкова. Психологический подход Волков критикует аргументом редупликации. Если в отношении психологической преемственности к изначальной личности может находиться больше одного наследника (а теоретики психологического подхода, видимо, не могут этого запретить), то нарушается транзитивность тождества. Подход, который нарушает столь важное положение, не может быть надежным. Биологический поход Волков отвергает указанием на отсутствие связи с моральной ответственностью, которая кажется ему фундаментальной для проблемы тождества личности. Однако если мы объединим эти подходы, как то делают, например, Мария Секацкая или Кевин Шарп, то биологический критерий оградит эту синтетическую теорию от аргумента редупликации, а психологический — свяжет с моральной ответственностью (Секацкая, 2018; Sharpe, 2015).

Если мы посмотрим на описанные эмпирической наукой явления, которые, как считает Волков, независимо подтверждают нарративный подход, то каждое из них — феномен множественной личности, случаи расщепления полушарий мозга, постгипнотическое внушение и ретроспективная атрибуция ментальных содержаний, существование воображаемых друзей — совместимо с другими походами. Во всяком случае, Волков не доказывает необходимости исключительные толкования этих данных.

Я хочу присоединиться к двум возражениям к нарративной концепции, которые Волков рассматривает и отвергает. Это возражение Секацкой и возражение Игоря Гаспарова. Секацкая считает, что нарративный подход не может устоять перед проблемой редупликации, как

и психологический. Волков отвечает, что может, ведь он не считает необходимым соблюдение нумерического тождества личности (Волков, 2018: 307–308). Но ведь и для психологического подхода нумерическое тождество не важно. Психологический подход предполагает качественное тождество (Левин, 2018). Сила аргумента редупликации, на мой взгляд, в том, что он показывает, что психологический подход не может обеспечить транзитивность отношения тождества. Говоря, что обе личности, получившиеся в результате редупликации, тождественны изначальной личности, но не тождественны друг другу, сторонник нарративного подхода просто отказывается учитывать необходимость транзитивности отношения тождества. *Что позволено одной позиции, может допустить и другая, если при этом не возникает противоречия.* Психологический подход, как и нарративный, мог бы убрать принцип транзитивности тождества. Тогда главный довод Волкова против психологического подхода потеряет силу.

Гаспаров атакует положение о первичности рассказа по отношению к личности, утверждая, что для рассказа необходим сказитель, т. е. личность (Волков, 2018: 308–309). Волков в ответ ссылается на знаменитую деннетовскую историю о «психоанализе». Думаю, можно согласиться, что из нее действительно следует, что автор необязательно должен предшествовать рассказу. Но Волкову нужно показать, что случай тождества личности — это как раз тот случай, когда до рассказа нет никакого автора. Из того, что положение Гаспарова не обладает универсальной значимостью, не следует, что наш случай существует именно в той области, в которой он не действует. Это действительно необходимо показать, так как *prima facie* кажется, что деннетовский психоанализ не удовлетворяет волковским критериям нарратива. По моему опыту литературных игр, подобных деннетовскому «психоанализу», рассказ, который получается в итоге, не отвечает требованию интеллигибельности, т. е. связанности и понятности. В подобных наборах предложений нет единства перспективы, там легко может смениться рассказчик, слово может перейти от первого лица к третьему и т. п. Это нестрашно для истории вообще, но страшно для автобиографического нарратива, где фокус принципиально должен быть на одном персонаже. Более того, подобная нелепица, несуразность и невозможность историй, написанных методом деннетовского «психоанализа», и является, по моему опыту, причиной доставляемого ими удовольствия. Но это несовместимо с телеологической направленностью нарратива и его правдоподобием, которые считаются Волковым объединяющими началами автобиографии.

Теперь перейдем к рассмотрению главы про свободу воли. Там мы найдем весьма убедительную критику подходов П. ван Инвагена и Р. Кейна и интересную защиту суперкомпатибилизма: позиции, согласно которой свобода воли, во-первых, совместима с детерминизмом, во-вторых, совместима с индетерминизмом. Эта защита основана на нарративном подходе к тождеству личности.

Чтобы доказать первое, Волков критикует известный аргумент манипуляций Д. Перебума, утверждая, что его убедительность основана на упущении в сюжете аргумента: мы не знаем, что будет с Пломом после убийства, изменится ли он, будет ли сожалеть о содеянном и т. п. То есть все дело в том, какая он личность, а не только в том, что он совершил: преступление имеет смысл рассматривать, учитывая весь нарратив преступника. Мне кажется, что даже если он, как описывает Волков, после убийства продолжит совершать злодеяния, то карать его «по справедливости» нужно будет за совершенное после того, как манипуляция закончена (Волков, 2018: 211).

Чтобы доказать второе, Волков критикует аргумент исчезающего агента. Чтобы это сделать, нужно обосновать контроль агента за своим выбором и предоставить объяснение того, почему агент выбрал в конкретном случае то, а не иное. Это можно, по Волкову, сделать, если считать, что агент есть пердурантная личность. Он сам устанавливает, какой выбор будет сделан. Причем это установление не носит каузального характера, так как тут нет разрыва во времени. Установление есть реализация: пердурантная личность реализует тот или иной выбор. Если бы выбор был бы иным, то и личность была бы чем-то иным.

Признаюсь, что не понимаю, как это решение проблемы свободы воли сочетается с телеофункционализмом и с нарративной теорией. Телеофункционалистское решение проблем ментальной каузальности состоит в том, что высокоуровневые свойства каузально эффективны, то есть что ментальные состояния являются причиной физических действий. При этом из рассуждения о свободе воли мы узнаем, что выбор, осуществляемый личностью между доступными ей альтернативами, носит не каузальный характер, а характер реализации (там же: 220). Из рассуждения о личности мы знаем, что это, личность, Я, «не может быть каузально эффективным» (там же: 316), так как это фикция, абстракция, выдумка. При этом, будучи пердурантной сущностью, личность уже всегда существует сразу. Один ее временной срез (т. е. сознание в конкретный момент времени) не может выбрать что-то, чего нет в личности как целом пространственно-временном «черве». Я не понимаю,

как это положение, в свою очередь, сочетается с индетерминизмом, ведь именно с ним оно, по мысли автора, должно сочетаться.

Пытаясь суммировать философию Волкова, я могу, думается, увидеть ее как целое, как проект, как единый замысел, но не могу разглядеть ее устройства в деталях. У нас есть каузально эффективное сознание, которое само по себе не может выбирать между двумя альтернативными возможностями, ведь этот выбор может осуществиться лишь некаузально, реализацией пердурантной личности, которая в свою очередь лишь выдумка, правдоподобный художественный персонаж. У кого в таком случае есть контроль: у каузально эффективного сознания, которое не является мной и не может осуществить выбор, или у пердурантной личности, которая есть фикция и каузально бесплодна? Положение о том, что нарратив предустановлен для агента, Волков считает версией аргумента манипуляции, который он полагает опровергнутым (Волков, 2018: 222). Даже если принять, что этот аргумент был им разрушен и что это положение является версией этого аргумента, даже если закрыть глаза на то, что опровержение Волкова предполагает нарративное понимание личности, все равно я буквально не понимаю, кто же мы такие и почему свободны. Какова глубинная природа того объекта, который каждый из нас видит в зеркале? Действительно ли это крохотная часть раскинувшегося в пространстве-времени червя, часть, наделенная могущим изменять мир умом, умом, лишенным возможности заниматься хоть какой-то полезной работой, ибо всю ее выполняет указанный червь?

Мое представление о системе Волкова явно не является согласованным. Если я правильно ее себе представляю, то несогласованной является и она сама. Если же я ошибаюсь, то хотел бы избавиться от заблуждения. Ибо не хотелось бы упорствовать в глупости, которая, по слову Бонхеффера, еще более опасный враг добра, чем злоба.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев В. В.* Сознание и вещи : очерк феноменалистической онтологии. — М. : Книжный дом «Либроком», 2014.
- Васильев В. В.* В защиту классического компатибилизма : эссе о свободе воли. — М. : URSS, 2017.
- Волков Д. Б.* Свобода воли : иллюзия или возможность? — М. : Карьера Пресс, 2018.

- Levin S. M. Качественное и нумерическое тождество личности // Финиковый Компот. — 2018. — № 5. — С. 66–69.
- Секацкая М. А. Необходимые и достаточные критерии тождества личности // Вопросы философии. — 2018. — № 5. — С. 125–133.
- Kim J. *Physicalism, or Something Near Enough*. — Princeton, Oxford : Princeton University Press, 2008.
- Sharpe K. *Animalism and Person Essentialism* // *Metaphysica*. — 2015. — Vol. 16, no. 1. — P. 53–72.

Loginov, Ye. V. 2019. “‘Bonkhoeffеровский физикализм’ Dmitriya Volkova [Dmitriy Volkov’s ‘Bonhoefferian Physicalism’]: razmyshleniya o knige ‘Svoboda voli: illyuziya ili vozmozhnost’?” [Reflections on ‘Free Will: An Illusion or Opportunity?’] [In Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics] III (3), 329–340.

YEVGENIY LOGINOV

PHD IN PHILOSOPHY; JUNIOR RESEARCHER AT THE FACULTY OF PHILOSOPHY,
LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

DMITRIY VOLKOV’S “BONHOEFFERIAN PHYSICALISM”

REFLECTIONS ON “FREE WILL: AN ILLUSION OR OPPORTUNITY?”

VOLKOV, D. B. 2018. *SVOBODA VOLI [FREE WILL]: ILLUZIYA ILI VOZMOZHNOST’?* [AN ILLUSION OR AN OPPORTUNITY?] [IN RUSSIAN]. MOSKVA [MOSCOW]: KAR’YERA PRESS

DOI: 10.17323/2587-8719-2019-3-329-340.

REFERENCES

- Kim, J. 2008. *Physicalism, or Something Near Enough*. Princeton, Oxford: Princeton University Press.
- Levin, S. M. 2018. “Kachestvennoye i numericheskoye tozhdestvo lichnosti [Qualitative and Numerical Personal Identity]” [in Russian]. *Finikovyy Kompot* [Date Palm Compote], no. 5: 66–69.
- Sekatskaya, M. A. 2018. “Neobkhodimyye i dostatochnyye kriterii tozhdestva lichnosti [Necessary and Sufficient Criteria of Personal Identity]” [in Russian]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], no. 5: 125–133.
- Sharpe, K. 2015. “Animalism and Person Essentialism.” *Metaphysica* 16 (1): 53–72.
- Vasil’yev, V. V. 2014. *Soznaniye i veshchi [Consciousness and Things]: ocherk fenomenalisticheskoy ontologii* [An Essay on Phenomenological Ontology] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Knizhnyy dom “Librokom”.
- . 2017. *V zashchitu klassicheskogo kompatibilizma* [In Defense of Classical Compatibilism]: esse o svobode voli [Essay on Free Will] [in Russian]. Moskva [Moscow]: URSS.
- Volkov, D. B. 2018. *Svoboda voli [Free Will]: illyuziya ili vozmozhnost’?* [An Illusion or an Opportunity?] [In Russian]. Moskva [Moscow]: Kar’yera Press.